

DOI 10.24411/9999-001A-2020-10027
УДК 930.1:352.071

В.С. Кузеванов
Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского
пр-т Мира, д. 55а, г. Омск, Россия, 644077
victors2@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0818-1320>

Идеологические кампании и градостроительная политика второй пятилетки в административных центрах областей Западной Сибири: постановка проблемы

Аннотация

В статье рассматривается процесс внедрения идеологического контроля в архитектурно-строительную отрасль в городах Западной Сибири в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.). Исследование основано на архивных и музейных источниках с опорой на официальные постановления и нормативные документы. В работе предпринимается попытка постановки проблемы на примере отдельно взятых крупных городов — административных центров крупнейших областей — Омска и Новосибирска.

В отечественной историографии уделяется внимание форсированной индустриализации и задачам градостроителей, которые должны были обеспечивать темпы строительства и расширения капитального строительства вокруг промпредприятий. Однако реализация политических установок в регионах является особым случаем выстраивания единого идеологического контроля. Отдельное внимание в статье отводится органам, которые осуществляли руководство и надзор за архитектурным проектированием и строительством в городах. Делается пересмотр оценок постконструктивизма как переходного звена между советским авангардом и сталинским неоклассицизмом. Постконструктивизм стал формой выражения «реакции» архитектурного сообщества на социальные трансформации. На фоне изменения административно-территориального деления некоторые города Западной Сибири становятся самостоятельными в проведении политики, независимой от бывшего регионального центра, что приводит к конфликтам интересов, которые в условиях становления тоталитаризма стали приобретать трагический оттенок.

Ключевые слова: постконструктивизм, вторая пятилетка, идеологические кампании, городское регулирование, советская градостроительная политика, советский город

V.S. Kuzevanov
Dostoevsky Omsk State University
Mira Avenue, 55, Omsk, Russia, 644077
victors2@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0818-1320>

Ideological campaigns and urban development policies of the second five-year plan in the administrative centers of the regions of the Western Siberia: problem statement

Abstract

The article deals with the process of ideological control implementation in the years of the second five-year plan (1933–1937) in the cities of the Western Siberia in the architectural and construction industry. The study is based on archival, museum sources, relying on official resolutions and normative documents. The work attempts to pose the problem on the materials of individual large cities (on the example of administrative centers of the largest regions — Omsk and Novosibirsk). In domestic historiography, attention is paid to speeded up industrialization and the tasks of urban planners, that were to ensure the pace of construction and expansion of major construction around industrial enterprises. However, the implementation of political attitudes in the regions is a special case of building the integrated ideological control.

Special attention in the article is paid to bodies that carried out the management and supervision of architectural design and construction in cities. The article deals with the assessment revision of “post-constructivism” as a chain link between the “Soviet avant-garde” and the “Stalinist neoclassicism”. «Post-constructivism» has become a form of expression of the «reaction» of the architectural community to social transformations. Against the background of

a change in the administrative-territorial division, some cities of the Western Siberia become self governing in operating a policy independent of the former regional center, which leads to conflicts of interest, which in the conditions of the establishment of "totalitarianism" began to acquire a tragic connotation.

Key words: postconstructivism, the second five-year plan, ideological campaigns, urban regulation, soviet urban policy, soviet city

Введение. В настоящий момент отечественная историография по истории городского планирования 1930-х гг. существенно расширяется за счет преимущественно отраслевых исторических исследований. Изучение отдельных урбанистических территорий и городов советского периода переходит из краеведческих интересов в плоскость региональных историко-архитектурных. Ряд классических трудов по советскому строительству городов Западной Сибири — Б.И. Оглы, С.Н. Баландина, В.И. Кочедамова — сегодня пополняется новыми исследованиями, которые уже становятся фундаментальными. Одним из фундаментальных трудов последнего времени является труд, написанный коллективом авторов из НИИ-ТАГ [Советское градостроительство, 2018]. Важным достижением является то, что в общую историю градостроительства СССР были включены регионы без барьера провинция—столицы.

Глобализация науки инициировала еще один тренд — «иностранцев в СССР». Явным это направление наметилось, когда иностранные авторы исправили и переиздали свою книгу на русском языке [Градостроительство в тени Сталина, 2015]. Важным является то, что в книге содержится оценка немецких исследователей о деятельности немецких архитекторов на стройках городов СССР и промышленных центров. Следом вышла монография уральского исследователя, которая смогла объединить иностранные и отечественные источники для полного описания градополитики Советского государства [Коньшева, 2018]. Эти два труда объединяют некоторые методологические элементы социальной истории: главное — увидеть судьбу человека в сложные исторические времена.

Необходимо подчеркнуть, что это не просто акция социализации истории градостроительства через историю творчества и биографию архитекторов, как, например, это было у С.О. Хан-Магомедова. Этот путь тоже важен, поэтому коротко обозначим его. Академик архитектуры, начиная с двухтомника «Советский авангард», ввел социальный вопрос в историю градостроительства, даже М. Вильковский определил теории Хан-Магомедова отдельное место в «Социологии архитектуры» [Вильковский, 2010, с. 162–187]. Многочисленные книги, посвященные разным деятелям архитектуры (серия «Творцы аван-

гарда»), — это не простое продолжение официальных советских биографий «Мастеров архитектуры». Источники личного происхождения и наброски проектов порой становятся основой для объяснения творчества, но это не совсем правильно, так как биография архитектора не может уместиться в перечне творческих работ. Кроме того, в поле зрения Хан-Магомедова попадали в основном авторские теории градостроительства.

В рамках данной статьи не представляется возможным охватить весь объем литературы по интересующей теме, поэтому остановимся на принципиальном моменте.

Сталинским кампаниям в исторической науке сегодня посвящается немало трудов [Ким, Кузоро, 2010, с. 64–67]. Но отраслевые исторические науки не уделяют должного внимания этим идеологическим кампаниям. Однако именно историки, проведя «историческую саморефлексию науки», смогли определить степень зависимости и автономии фундаментальной и прикладной науки от идеологического натиска [Тихонов, 2016]. А.Н. Селиванова в своем труде поставила чисто искусствоведческую цель, но в ходе исследования задела очень важный момент диалога власти и архитектора. Этот нерв обнажается в период перехоода кураторства отрасли после смерти А. Луначарского к Л. Кагановичу: «По сравнению с попытками Луначарского войти в профессиональную среду архитекторов как равному, выучить (хотя и не всегда удачно) ее язык, пренебрежительная, рубленая речь Кагановича подчеркивала подчиненное положение архитектора, вела к низведению дискуссии с ним до уровня обывателя» [Селиванова, 2018, с. 58]. Уголовные дела М.А. Охитовича и С.А. Лисагора не известны обывателю, как, например, уголовные дела, которые заводили на писателей. Эти события являются частью одного целого. М.Г. Меерович смог крупными мазками обозначить поле, на котором архитектор должен был работать в 1920–40-е гг. С одной стороны, именно градостроительство становилось частью государственного строения, которое показывало благополучие жителей страны [Меерович, 2008], с другой — оно превращалось в «номенклатурную» профессию [Меерович, 2002]. Социальная история профессии архитектора становится тем фоном, который закрывается архитектурным творчеством самого архитектора.

Середина 1930-х гг. была насыщена событиями: коллективизация, форсированная индустриализация, переустройство жилищно-коммунального хозяйства, укрепление «пролетарской» диктатуры. Задачи, поставленные на XVII съезде ВКП(б), изучаются современными историками [Тюкавкин, 2014, с. 10–14], но городам Западной Сибири отводятся место в разделе индустриализации (строительство новых промышленных центров, появление новых производств и пр.). Однако не все события рассматриваемого периода активно изучаются [Духанов, 2017, с. 38–55]. Города Западной Сибири в этот период развивались особым путем, когда городская карта формировалась порой в ущерб благоустройству и коммунальному хозяйству, так как внутренние проблемы городов становились второстепенными (в угоду строительства промзон) и решались городскими властями иногда «экстренными способами».

В связи со слабой изученностью вопросов, связанных с отражением политических решений в судьбе региональных архитекторов, повышается актуальность темы и определяется цель нашего исследования: обозначить ряд исследовательских проблем по управлению архитектурной и строительной деятельностью городов, ставших административными центрами областей Западной Сибири в 1933–1937 гг.

Полученные результаты и их обсуждение. 30 июля 1930 г. Сибирский край разделяется на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский. Крупнейшими городами с численностью населения более 100 тыс. человек были всего два города — Омск и Новосибирск, которые являлись центрами одноименных округов. Постановление ВЦИК от 7 декабря 1934 г. «О разукрупнении Западносибирского и Восточносибирского краев и образовании новых областей в Сибири» выделило в самостоятельные территориальные единицы Омскую область и Красноярский край, которые вывели из Западно-Сибирского края с центром в Новосибирске (к 1934 г. Красноярск также имел более 100 тыс. населения). ЦИК СССР 28 сентября 1937 г. своим постановлением реструктурирует Запсибкрай, выделяя самостоятельные Новосибирскую область и Алтайский край (Барнаул тогда имел более 110 тыс. населения). Таким образом к 1937 г. образовались две крупнейшие области с крупнейшими городами.

Коммунально-строительная отрасль после социальных потрясений была в плачевном состоянии. В целях налаживания бытового обслуживания, упорядочивания застройки, устранения проблемных строек была введена новая должность.

Постановлением СНК РСФСР от 26 июля 1935 г. «Об учреждении должности главного городского архитектора в городских

отделах коммунального хозяйства» в 39 городах вводилась должность главного городского архитектора в комхозотделы при муниципальных органах. На территориях Омской области и Западно-Сибирского края эти должности были созданы в административных центрах. Этим же постановлением были разделены функции между городским архитектором и инспекцией. Согласно нормативному документу, на главного архитектора возложили функцию «наблюдение за точным выполнением строительства в соответствии с утвержденными проектами планировки, застройки и архитектурного оформления». А госстройконтроль наделили особыми полномочиями: «Меры, необходимые по устранению всех отмеченных в строительстве отступлений от утвержденных проектов и недостатков в строительстве, проводятся исключительно через органы государственного строительного контроля» [Постановление СНК РСФСР...].

Отвод земельных участков и градорегулирование были очень слабыми (а местами и бесконтрольными), работы по сдерживанию ситуации в полной мере не выполнялись. Главный архитектор города подчинялся хозяйственным органам, которые сами осуществляли работу по благоустройству, а иногда их подконтрольные организации осуществляют жилищно-коммунальное строительство. Лица, занимавшие должность городского архитектора в 1930 г., часто менялись, а причинами увольнений становились «безответственное отношение к делу», репрессии, политические изменения в стране.

Госстройконтроль велся не в полной мере из-за нехватки штатов. В надзорном органе фактически не хватало кадров. Руководитель инспекции обращал внимание вышестоящего руководства на грубые недостатки в строительной отрасли. В частности, начальник омского госстройконтроля В.С. Григорьев информировал председателя омского облисполкома Евстигнеева: «По строительству зданий и сооружений в г. Омске имею доложить следующее: производители работ, осуществляющие строительные работы, нарушают строительное законодательство тем, что проект, смета и технические условия не являются для них руководством. Адмтехперсонал трестов не руководит прорабами, а гастролирует по объектам, давая отрывочные устные указания, не записывая в установленный на каждой стройке журнал работ. Записи в этот журнал работ заносят только работники Госстройконтроля, руководствуясь проектом, сметой <и> техническими условиями» [ГИА-ОО, Ф. Р-235. Оп. 1. Д. 756. Л. 3]. Меры, принимаемые госконтролем, нельзя назвать недостаточными. Григорьев предлагал создать квалификационную комиссию, но коренным образом на ситуацию это не повлияло.

В Омске чиновники устроили травлю госконтролера и главного архитектора, исключив из состава пленума депутатов горсовета В.И. Позднякова и В.С. Григорьева. В областном архиве отложился проект постановления Омского городского совета за июнь 1938 г. об отмене «противоречащего законодательству» постановления пленума об исключении из состава депутатов от 16–21 июня 1937 г. [ГИАОО, Ф. Р-235. Оп. 2. Д. 131. Л. 66]. Руководители отделов местной власти должны были входить в состав пленума городских советов. Позже Поздняков, оставив пост, уехал из города, а с Григорьеве сняли полномочия госконтролера.

Главная задача реформы городской архитектуры — это регулярная планировка и реконструкция городов. ЦИК и СНК в совместном постановлении определили, что проект планировки города утверждается: «... по старым городам с расчетным количеством населения от 100 до 300 тыс. чел. — советами народных комиссаров союзных республик по представлению народных комиссариатов коммунального хозяйства этих республик» [Постановление ЦИК СССР...]. Разработка и утверждение генпланов городов проходили неоднозначно. Эти процессы явно указывали на кризисное положение дел.

Схема развития городов разрабатывалась в Омске и Новосибирске службами других городов. В Омске над главным планировочным решением города трудились специалисты из Новосибирского отделения Горстройпроекта [Духанов, 2016б, с. 56–64]. Омские архитекторы не смогли тогда решить такого масштаба задачу самостоятельно: не было крупной проектной организации, которая могла бы произвести расчеты по всем направлениям. Гипрогор в 1935–1936 гг. разработал генплан Новосибирска. Подчеркнем, что помимо Новосибирского отделения Горстройпроекта, который разрабатывал планы для Ленинска-Кузнецкого, Кемерово, существовал Запсибпроект, который смог бы сам для своего города разработать генеральный план с учетом местных особенностей. История разработки генплана города хорошо отражена в современной историографии. Б.И. Оглы обратил внимание на постановление ЭКОСО РСФСР [Оглы, 1991, с. 24], которое современные исследователи оставляют без особого внимания, сосредотачиваясь на градопроектировании. Издание такого документа не могло бы быть без работы местных органов. Новосибирская городская планировочная комиссия произвела первичные расчеты для разработки генплана. В «Объяснительной записке к перспективным расчетам городского населения Новосибирска (правый и левый берег Оби) на 30-летие 1930–1960 гг.» [НГА, Ф. 33. Оп. 1. Д. 264. Л. 25–29] указывались основные тенденции развития города: де-

централизации и концентрации расселения, т.е. некоторые территории должны быть самодостаточными (иметь закрытый цикл), другие — должны иметь устойчивые связи с индустриальными центрами.

Небольшое отступление, которое позволило бы более точно определить проектные возможности местных организаций. В 1933 г. создается новая проектная организация «Запсибпроект» (ведомство НККХ РСФСР), в 1934 г. в результате реструктуризации Сибирского отделения Стандартгорпроекта создается НО «Горстройпроект» (ведомство НКТП СССР) [Духанов, 2016а]. Решением президиума Омского облисполкома от 29 августа 1935 г. были объединены проектное бюро «Омгоркоммунотдел» и Облпроектплангор облкомхоза, что позволило собрать проектировщиков в одну организацию «Омпроект». В первые годы своего существования Омская областная проектная контора обеспечивала проектами в основном стройки Омска, а к концу второй пятилетки стала обслуживать строительные организации других городов: Салехарда [БУК «Музей им. М.А. Врубеля», Фонд советской и современной графики. ВХ-28607], Тары [Там же, ВХ-28554], Тюмени [Там же, ВХ-28593] и др.

Для всей страны образцовым городом должна была стать столица. Постановление СНК СССР от 1 октября 1935 г. № 2221 «Об утверждении «Правил о порядке застройки города Москвы»» должно было стать образцовым для всех городов. В первой половине 1930-х гг. основным видом общественного транспорта столицы был трамвай (до открытия метрополитена в 1935 г.). Пуск в ноябре 1933 г. первой троллейбусной линии был приурочен к XVII съезду ВКП(б). Электрический транспорт должен был олицетворять новый этап электрификации страны.

В Новосибирске проектирование линий трамвая было инициировано постановлением горсовета № 448 от 9 августа 1931 г., пуск был осуществлен 26 ноября 1934 г. [Злобина, 2003]. В 1935 г. началась работа над проектированием омских трамвайных линий на электрической тяге. 15 ноября 1936 г. — пуск первой линии [ГИАОО, Ф. Р-1100. Оп. 1. Д. 2–3], менее чем через год — пуск второй линии [ГИАОО, Ф. Р-1100. Оп. 1. Д. 8]. Одним из политических деятелей, продвигавшим идеи электрического транспорта в Омске, стал П.П. Зутис, который возглавил проектную контору «Омпроект».

Особой темой является реализация оперативного приказа НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г., которым ознаменовалось начало Большого террора. В рамках данной статьи из всей большой темы остановимся лишь на вредительстве. Травля сменилась поисками «вредителей» и «чуж-

дых элементов» с целью их абстрагировать.

В 1930-е гг. началась травля, в том числе «старой школы», тех, кто получил образование или сформировался как профессионал еще до революции. Подобие критики со стороны руководства ССА И.А. Фомина и А.В. Щусева [Селиванова, 2018, с. 96–97] существовало и в регионах. Еще до начала откровенных репрессий использовался метод жесткой критики. Одна из ярких фигур — профессор А.Д. Крячков. Крячков подвергся критике со стороны членов архитектурной группы Кузбасстроя, которые были не согласны видеть его в составе конкурсного жюри: «...КРЯЧКОВА можно причислить к представителям мещанского эклектизма, т.е. к старому буржуазному архитектурному воззрению, которое давно следует забыть и сдать в архив. <...> Мы являемся представителями современной пролетарской архитектуры. Мы в большинстве окончили ВТУзы и техникумы и нам эти крячковские метиархитектурные мотивы чужды» [ГАНУ, Р-47. Оп. 1. Д. 1206. Л. 114]. Под обращением в краевой исполком тов. Зуеву и Грядинскому подписались 19 человек, в том числе архитектор В.А. Добролюбов. Это звучит не по-маяковски — «сбросить с парохода современности», — а гораздо сильнее, так как эти молодые архитекторы должны были знать инициатора этих строк.

Репрессиям были подвергнуты также молодые архитекторы. Главный архитектор города В.М. Тейтель был арестован в 1938 г., несмотря на свой авторитет и высокий пост [Пивкин, 2001, с. 29].

В омской среде была открытая критика руководителей городских служб, начальников предприятий и учреждений. «Вредительская работа враждебных элементов, находившихся в прошлом в составе областного, городского и хозяйственного руководства, была направлена на то чтобы замораживать строительство, оставлять строй<ки> переходящими из года в год» [ГИАОО, Ф.Р-235. Оп. 2. Д. 123. Л. 7–8]. «Вредителей» стали искать во всех отраслях хозяйств. В строительстве их можно было найти на каждом долгострое. Руководители строек не могли решить глобальные проблемы отрасли: низкое качество стройматериалов, неквалифицированные кадры, плохая логистика и т.д. Эти проблемы были во всех крупных городах региона. До сих пор неизвестна судьба первого директора Омпроекта Сахарова, которого «прикрепляли к строительству» важнейших объектов [ГИАОО, Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 4. Л. 31–31об.] для ликвидации отставания от графиков строительства. В центре каждого крупного города был недостроенный дом. Дома с переходящим строительством в 1930-х гг. были «нормой», с которой боролись. Например, в Омске в 1937 г. было 40 зарегистрированных объектов с перехо-

дящим строительством [ГИАОО, Ф. Р-235. Оп. 2. Д. 123. Л. 368]. Можно вспомнить о главных административных зданиях. Проблемы возникали с проектированием и строительством здания Крайисполкома в Новосибирске, а в Омске, кроме расчистки площадки, до реальных строительных работ Дома Советов дело не дошло (3 года он был «переходящей стройкой»). Если строительство администраций областей было проблематичным, то строительство жилых домов было еще сложнее. Откровенной критике в местной печати подвергались долгострои: в Омске — «дома специалистов», «дом на горе», в Новосибирске — «ДНик», строительство мостов. Ревизия финансовых средств была проведена во многих проектных и строительных организациях. Омпроект проверяли долго, но П. Зутис остается на своем месте [Омскгражданпроект. Музей истории института. Материалы по проверкам 1933–1938].

В связи со строительством промышленных предприятий начинали возникать новые очаги селитебных территорий. История формирования соцгородов Новосибирска — это история становления промышленности: левобережный соцгород — промзона, Заобский район — «Зимушка», правобережный соцгород и Инская — железнодорожные станции, авиагородок — авиационный завод им. Чкалова (ранее — завод горного оборудования). Проект Ленинск-Омского в виде пятиконечной звезды по проекту инженера Назаретова остался на бумаге, при присоединении к городу все стройки стали зависимыми от политики горисполкома. Строительство некоторых зданий все же удалось завершить в стиле конструктивизма благодаря усилиям железнодорожных организаций. Однако в Омске появлялись новые районы, построенные на принципе завод-жилье с соответствующей инфраструктурой. В 1936–1937 гг. началась активная фаза строительства автосборочного завода [Кочедамов, 1960, с. 67], а затем шинного завода и кордной фабрики. Если новосибирские территории стали своеобразными заповедниками, которые изучают [напр.: Хиценко, 2015], то омские только ждут своих исследователей.

Выводы. Таким образом, все основные вехи второй пятилетки отразились на судьбе архитектурного сообщества городов-центров Западной Сибири. Тезисы съезда, которые были обличены в нормативно-правовую форму, стали руководством к действию, но точность их исполнения была не только в руках самих городских органов. Время становления иерархической структуры и появление жесткой диктатуры привело к созданию сложной обстановки, в которой градостроители должны были выполнить свой профессиональный долг, сохранив себя. Создание органов управления и кон-

троля архитектурно-строительной отрасли только упорядочивало строительные работы, но не могло повлиять на изменение всей экономики отрасли. Организация проектных контор привела к конгломерации сил вокруг проблем градостроительства, однако самостоятельности городу в разработке генпланов это не дало. В основном укрупнение проектных контор изменило положение в индивидуальном проектировании гражданских зданий. Архитектуры-инженеры включаются в работу по созданию и развитию городского электротранспорта, что положительно сказалось на логистике города. Еще до создания «сталинского генплана 1935 г.» в Сибири начались работы по поиску идеологически правильного города. В середине 1930-х гг. города получили новые генеральные планы для реконструкции и легального уничтожения самовольной застройки. Эти события проходили на фоне жесткой социальной политики госорганов, что приводило к опале настоящих мастеров архитектуры. В данной статье удалось определить круг градостроительных проблем, которые были отражены в государственной политике.

Перечисленные основные идеологические кампании играют важную роль для понимания общекультурных тенденций середины 1930-х гг. и имеют большое значение при исследовании архитектурной и градостроительной практики этого периода.

Список литературы

1. Вильковский М. Б. Социология архитектуры. — М.: Фонд «Русский авангард», 2010. — 592 с.
2. Градостроительство в тени Сталина. Мир в поисках социалистического города в СССР. 1929–1935. — М.: Verlagshaus Braun, SCIO Media, 2015. — 416 с.
3. Духанов С.С. Проблемы «недостроенного города» в Западной Сибири 1930-х гг. // Сибирские исторические исследования. — 2017. — № 2. — С. 38–55. DOI 10.17223/2312461X/16/4.
4. Духанов С.С. Проектные организации Западной Сибири середины 1930 — начала 1940-х гг. // Вестник ТГАСУ. — 2016а. — № 4(57). — С. 19–28.
5. Духанов С.С. Роль градovedческого подхода при разработке генерального плана Омска 1930-х гг. // Вестник ТГАСУ. — 2016б. — № 6(59). — С. 56–64.
6. Злобина А. Трамвай // Энциклопедия Новосибирска. Новосибирск: Новосиb. кн. изд-во, 2003. — С. 880–881.
7. Ким М.Ю., Кузоро К.А. Социальная политика советской власти (1930-е гг.) в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 334. — С. 64–67.

8. Конышева Е.В. Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток. Документы и материалы. — М.: БуксМАрт, 2018. — 360 с.

9. Кочедамов В.И. Омск. Как рос и строился город. — Омск: Ом. кн. изд-во, 1960. — 112 с.

10. Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). — М.: РОСПЭН, 2008. — 303 с.

11. Меерович М.Г. Биография профессии. Очерки истории государственной организации профессии архитектора в СССР. 1917–1941 гг. — Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2002. — 211 с.

12. Оглы Б.И. Новосибирск: от прошлого к будущему. — Новосибирск: Новосиb. кн. изд-во, 1991. — 121 с.

13. Пивкин В.М. Новосибирские академики. Очерки об архитекторах Т.Я. Барте, В.М. Тейтеле и К.Е. Осипове / В.М. Пивкин; Науч.-производств. центр по сохранению ист.-культур. наследия Новосиb. обл. — Новосибирск, 2001. — 94 с.

14. Селиванова А.Н. Постконструктивизм. Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР. — М.: БуксМАрт, 2018. — 320 с.

15. Советское градостроительство. 1917–1941. — Кн. 1–2. — М.: Прогресс-Традиция, 2018. — 1492 с.

16. Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). — М. — СПб.: Нестор-История, 2016. — 424 с.

17. Тюкавкин Н.М. Подходы к формированию пятилетних планов основных направлений развития России // Основы экономики, управления и права. — 2014. — № 1 (13). — С. 10–14.

18. Хиценко Е.В. Проектирование жилья нового типа соцгородов Западной Сибири в Первой пятилетке // Архитектон: известия вузов. — 2015. — № 2(50). — URL: http://archvuz.ru/2015_2/14 (дата обращения: 06.06.2020).

References

1. Dukhanov S.S. Problemy «nedostroenogo goroda» v Zapadnoi Sibiri 1930-kh gg. [Problems of the “unfinished city” in Western Siberia in the 1930s]. Siberian Historical Research. 2017. № 2. Pp. 38–55. DOI 10.17223/2312461X/16/4. (In Russ.)
2. Dukhanov S.S. Proektnye organizatsii Zapadnoi Sibiri serediny 1930 — nachala 1940-kh gg. [Design organizations of the Western Siberia in the mid-1930s and early 1940s]. Journal of Construction and Architecture. 2016a. — No 4(57). Pp. 19–28. (In Russ.)
3. Dukhanov S.S. Rol' gradovedcheskogo podkhoda pri razrabotke general'nogo plana

Omska 1930-kh gg. [The role of the urban approach in the development of the Omsk master plan of the 1930s]. *Journal of Construction and Architecture*. 2016b. No 6(59). Pp. 56–64. (In Russ.)

4. Gradostroitel'stvo v teni Stalina. Mir v poiskakh sotsialisticheskogo goroda v SSSR. 1929–1935 [Urban planning in the shadow of Stalin. The world in search of a socialist city in the USSR. 1929–1935]. Moscow: Verlagshaus Braun, SCIO Media, 2015. 416 p. (In Russ.)

5. Khitsenko E.V. Proektirovanie zhil'ya novogo tipa sotsgorodov Zapadnoi Sibiri v Pervoi pyatiletke [Designing a new type of housing in the social cities of the Western Siberia in the first Five-Year Plan]. *Arkhitekton: izvestiya vuzov*. 2015. No 2 (50). URL: http://archvuz.ru/2015_2/14 (accessed: 06.06.2020). (In Russ.)

6. Kim M.Yu., Kuzoro K.A. Sotsial'naya politika sovetskoi vlasti (1930-e gg.) v otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii [Social policy of the Soviet government (1930s) in domestic and foreign historiography]. *Tomsk State University Journal*. 2010. No 334. Pp. 64–67. (In Russ.)

7. Konysheva E.V. Evropeiskie arkhitektory v sovetskom gradostroitel'stve epokhi pervykh pyatiletok. Dokumenty i materialy [European architects in Soviet urban planning of the era of the first Five-Year Plans. Documents and materials]. M.: BuksMArt. 2018. 360 p. (In Russ.)

8. Kochedamov V.I. Omsk. Kak ros i stroilsya gorod [Omsk. How the city grew and was built]. Omsk: Omskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. — 112 p. (In Russ.)

9. Meerovich M.G. Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi (1917–1937 gody) [Punishment by housing: housing policy in the USSR as a means of managing people (1917–1937)]. Moscow: ROSPEN, 2008. 303 p. (In Russ.)

10. Meerovich M.G. Biografiya professii. Ocherki istorii gosudarstvennoi organizatsii professii arkhitekтора в SSSR. 1917–1941 gg. [Biography of the profession. Essays on the history of the state organization of the profession of architect in the USSR. 1917–1941]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University, 2002. 211 p. (In Russ.)

11. Ogly B.I. Novosibirsk: ot proshlogo k budushchemu. [Novosibirsk: from the past to the future.] Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. 121 p. (In Russ.)

12. Pivkin V.M. Novosibirskie akademisty. Ocherki ob arkhitektorakh T.Ya. Barte. V.M. Teitele i K.E. Osipove. [Novosibirsk academics. Essays on architects T.Ya. Barthe. V.M. Teitele and K.E. Osipov]. Novosibirsk, 2001. 94 p. (In Russ.)

13. Selivanova A.N. Postkonstruktivizm. Vlast' i arkhitektura v 1930-e gody v SSSR [Postconstructivism. Power and architecture in the 1930s in the USSR]. Moscow: BuksMArt,

2018. 320 p. (In Russ.)

14. Sovetskoe gradostroitel'stvo. 1917–1941. [Soviet urban development. 1917–1941]. B. 1–2. Moscow: Progress-Traditsiya, 2018. 1492 p. (In Russ.)

15. Tikhonov V.V. Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh — 1953 g.) [The ideological campaigns of the late Stalinism and Soviet historical science (mid-1940s — 1953)]. Moscow-Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. 424 p. (In Russ.)

16. Tyukavkin N.M. Podkhody k formirovaniyu pyatiletnikh planov osnovnykh napravlenii razvitiya Rossii [Approaches to the formation of five-year plans for the main directions of development of Russia]. *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava*. 2014. No 1 (13). Pp. 10–14. (In Russ.)

17. Vil'kovskii M. B. Sotsiologiya arkhitektury [Sociology of architecture]. Moscow: Fond «Russkii avangard», 2010. 592 p. (In Russ.)

18. Zlobina A. Tramvai [A tram]. In: *Entsiklopediya Novosibirsk*. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003. Pp. 880–881. (In Russ.)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. БУК «Музей им. М.А. Врубеля». Фонд советской и современной графики. ВХ-28554, 28593, 28607.

2. ГАНО. Р-47, оп.1, д.1206. Л. 114.

3. ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 1. Д. 756.

4. ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 2. Д. 123, 131.

5. ГИАОО. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 4.

6. ГИАОО. Ф. Р-1100. Оп. 1. Д. 2, 3, 8.

7. НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 264.

8. Омскгражданпроект. Музей истории института. Материалы по проверкам 1933–1938 гг.

9. Постановление СНК РСФСР от 26.07.1935 «Об учреждении должности главного городского архитектора в городских отделах коммунального хозяйства». — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=D0721CBA0545D3B0ACDEF704A05E485D&SORTTYPE=0&BASENODE=41&ts=109269470019451789079358117&base=ESU&n=25105&rnd=74CD6194AAB41098F5D7834C92DC9745#1d4h08rm995> (дата обращения: 05.05.2020).

10. Постановление ЦИК СССР № 70, СНК СССР № 1219 от 27.06.1933 «О составлении и утверждении проектов планировки и социалистической реконструкции городов и других населенных мест Союза ССР». — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=D3E17CE424A1027F75B3DECC72EFEDF2&SORTTYPE=0&BASENODE=41&ts=989634690022216837078357976&base=ESU&n=16044&rnd=74CD6194AAB41098F5D7834C92DC9745#7ubj3rt64r> (дата обращения: 21.05.2020).

Список сокращений

БУК — бюджетное учреждение культуры
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

(В)ЦИК СССР — (Всероссийский) Центральный исполнительный комитет

ГАО — Государственный архив Новосибирской области

ГИАОО — Государственный исторический архив Омской области

Горсовет — Городской Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

ДНИК — Дом (дворец) науки и культуры

ИрГТУ — Иркутский государственный технический университет (ныне – Иркутский национальный исследовательский технический университет)

НГА — Новосибирский городской архив

НИИТИАГ — Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства

НКВД СССР — Народный комиссариат внутренних дел Союза Советских Социалистических Республик

НКХ РСФСР — Народный комиссариат коммунального хозяйства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

НКТП СССР — Народный комиссариат тяжелой промышленности Союза Советских Социалистических Республик

Облсполком — Областной Совет депутатов трудящихся

СНК РСФСР — Совет народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

ССА — Союз советских архитекторов

ТГАСУ — Томский государственный архитектурно-строительный университет

ЭКОСО РСФСР — Экономический совет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики